

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-146-152
УДК 5.9.1+821.161.1-31(Варламов А.)+94(43+46)+323.1(045)

Многомерное переплетение истории, идентичности и памяти в романе «Одсун. Роман без границ» А. Варламова

Ван Чжэнкунь

Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китайская Народная Республика

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится анализ романа Алексея Варламова «Одсун. Роман без границ» с целью исследовать историческую взаимосвязь между Германией и Чехией, дилемму определения, поиска и понимания персонажами своей идентичности, историческую память и влияние на межнациональные отношения. Автор статьи рассматривает исторические события, связанные с Судетской областью – регионом, ставшим символом этнических конфликтов, культурного доминирования и насилиственной ассимиляции. Особое внимание уделяется судьбе судетских немцев, чье изгнание после Второй мировой войны подчеркивает хрупкость коллективной идентичности и разрушительное влияние политизированной исторической памяти. С помощью профессиональных подходов – постколониализма и теории культурной памяти – интерпретируются внутренние логические связи и глубокие культурные последствия различных тем, что подчеркивает уникальную ценность романа в отражении социальной и культурной экологии, анализе тонкостей человеческой природы, вдохновляет читателя на размышления об истории, предоставляет ориентир для изучения современной России и культурного ландшафта Восточной Европы. Исследование вносит вклад в дискуссию о постколониальном измерении восточноевропейской литературы и проблеме «трудного прошлого» в условиях глобализации. Роман, сочетающий художественную глубину с философской рефлексией, становится актуальным ориентиром для изучения этнических конфликтов, миграционных кризисов и путей достижения межкультурного взаимопонимания. Работа подтверждает, что преодоление стереотипов и диалог с историей являются ключевыми условиями для построения многокультурного общества.

Ключевые слова: Алексей Варламов; «Одсун. Роман без границ»; этнический конфликт; идентичность; историческая память; этнические стереотипы

Для цитирования: Чжэнкунь Ван. Многомерное переплетение истории, идентичности и памяти в романе «Одсун. Роман без границ» А. Варламова. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025;15(6):146-152.
DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-146-152

ORIGINAL PAPER

Multidimensional Interweaving of History, Identity, and Memory in A. Varlamov's Novel “Odsun. A Novel Without Borders”

Wang Zhengkun

Sichuan International Studies University, Chongqing, China

ABSTRACT

This article analyzes Alexey Varlamov's novel “Odsun. A Novel Without Borders” in order to explore the historical relationship between Germany and the Czech Republic, the dilemma of defining, searching for and understanding one's identity by the characters, historical memory and its impact on interethnic relations. The author examines historical events related to the Sudetenland, a region that has become a symbol of ethnic conflicts, cultural dominance and forced assimilation. Particular attention is paid to the fate of the Sudeten Germans, whose expulsion after World War II highlights the fragility of collective identity and the destructive impact of politicized historical memory. Using professional approaches – postcolonialism and cultural memory theory – the internal logical connections and deep cultural implications of various themes are interpreted, which emphasizes the unique value of the novel in reflecting social and cultural ecology, analyzing the intricacies of human nature, inspiring the reader to reflect on history, providing

@ Чжэнкунь Ван, 2025

a reference point for studying contemporary Russia and the cultural landscape of Eastern Europe. The study contributes to the discussion of the postcolonial dimension of Eastern European literature and the problem of the “difficult past” in the context of globalization. The novel, combining artistic depth with philosophical reflection, becomes a relevant reference point for studying ethnic conflicts, migration crises and ways to achieve intercultural understanding. The work confirms that overcoming stereotypes and dialogue with history are key conditions for building a multicultural society.

Keywords: Alexey Varlamov; “Odsun. A Novel Without Borders”; ethnic conflict; identity; historical memory; ethnic stereotypes

For citation: Zhengkun Wang. Multidimensional interweaving of history, identity, and memory in A. Varlamov’s novel “Odsun. A Novel Without Borders”. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):146-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-6-146-152

ВВЕДЕНИЕ

В многообразном ландшафте современной литературы роман Алексея Варламова «Одсун. Роман без границ» занял первое место на премии «Большая книга» 2025 г. Этот роман путешествует в разных временных, пространственных и социальных контекстах, создавая литературный мир, полный напряжения и глубины. В основе повествования романа лежит историческая взаимосвязь между Германией и Чехией: их дилемма идентичности характера, сложная эволюция исторической памяти и упрямое существование национальных стереотипов сплетаются воедино, образуя сложную и глубокую культурную и социальную сеть. «Одсун. Роман без границ» наглядно показывает динамические изменения в структурах власти двух стран и их культурные конфликты. Таким образом, исторический контекст становится полем символической борьбы. События разворачиваются в Судетской области — пограничном регионе Чехии, до 1945 г. переходившем под управление то германцев, то чехов, но именно немцы дали ей интенсивное развитие и масштабное строительство и заложили основу для ее культурного и экономического господства. Однако политическая перестройка после Первой мировой войны сделала Чехию суверенным контролером Судетской области, и судьба проживавших в ней немцев изменилась. Германские власти построили на этой земле процветающее сообщество и развитую промышленную систему, охватывающую все сферы деятельности — от традиционных ремесел до современных отраслей промышленности, что стало ярким символом их культурного и экономического влияния. «И если в Праге кто-нибудь спрашивал дорогу на чешском, ему советовали перейти на человеческий язык, то есть на немецкий. Это считалось в порядке вещей, ведь это они облагородили эту землю и принесли на нее христианство, культуру, трехполье, просвещение, веймарский классицизм, науку, технологию, государственное устройство и даже немецкоязычного еврея

Франца Кафку. Они были нацией исторической, государство образующей, не то что менее образованные чехи — как вдруг все достижения немцев обернулись против них» [1]. Немецкая риторика о «цивилизаторской миссии» — распространении христианства, технологий и государственного устройства — служит инструментом символического насилия, определяя чехов как «отсталого другого».

Однако подписание Сен-Жерменского договора мгновенно нарушило изначальное равновесие. Договор закрепил суверенитет Чехии над Судетской областью, что вызвало сильное сопротивление со стороны немцев. За этим сопротивлением стоял глубокий страх и борьба против утраты культурного доминирования. Все эти события отражают сложную переплетенность идентичности и власти в отношениях между колонизатором и колонизированным. Ситуация усугубилась экспансионистскими действиями нацистской Германии в 1930-х гг. Немецкие лидеры умело использовали националистические настроения для подстрекательства немцев в Судетской области. Под влиянием нацистской идеологии немцы в Судетской области стали инструментом экспансии, а чехи — жертвами. Их суверенитет и достоинство были безжалостно растоптаны, и в процессе этого к этническим группам была посеяна ненависть, что наложило тяжелый отпечаток на последующее историческое развитие. После Второй мировой войны изгнание немцев, предпринятое в соответствии с Потсдамским соглашением, было отчасти крайним ответом Чехии на ее исторически угнетенное положение. В ходе этого процесса немцы быстро превратились из «хозяев» земли в изгнанных «других», в то время как чехи переформировали свою «самость» на фоне переплетающихся эмоций национального освобождения и мести. Насилие и лишения, причиненные чехами немцам во время процесса изгнания, были сверхкоррекцией исторического дисбаланса сил. Эта сложная историческая переплетенность стала фоном судьбы персонажей романа, а также

отразила изменения в межэтнических отношениях, а хрупкость и сложность исторического процесса оказали сильное влияние на идентичность и поведенческий выбор персонажей.

СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ

В данном исследовании постколониальная теория применяется для анализа борьбы за власть и культурного противостояния между Германией и Чехией, а теория культурной памяти позволяет интерпретировать процессы наследования, искажения и реконструкции исторического нарратива. Сложные взаимосвязи между двумя странами становятся основой для теоретического анализа, раскрывая их значимость и ценность в современном культурном контексте. В рамках постколониального дискурса романа этнокультурные стереотипы представлены как результат много векового символического насилия [2], порожденного борьбой за доминирование. Конфликт между группами закономерно ведет к упрощению образов «другого», а исторический маятник в Судетах иллюстрирует динамику изменений в структурах власти. Этот процесс демонстрирует циклическую смену ролей «жертвы» и «палача»: каждая этническая группа, временно обретая культурную гегемонию, воспроизводит механизмы угнетения, ранее направленные против нее самой.

В романе судья Судетской области Фолькер выступает против войны и призывает жителей региона уважать друг друга и быть терпеливыми. Он безнадежно проповедует, что «между немцами и чехами нет непреодолимой пропасти, а места в этом kraю хватит всем, просто нужно, чтобы и те и другие уступили, одумались, не торопили ход событий, не требовали слишком много, а уж тем более заведомо невыполнимого». [1] Он говорит: «Давайте не будем утверждать, что одни люди бесы, а другие — ангелы. Чешская или немецкая мать нас родила — давайте не забывать, что все мы люди» [1].

Однако никто не желал слушать эти наивные речи. Одни обвиняли Фолькера в том, что он немец, а, следовательно, по определению фашист, враг демократии и молодой свободной Чешской Республики, другие называли его предателем собственного народа. Он без всякой причины был избит группой чешских юношей, и «странные мстительные, едва ли не самоубийственное чувство им ов-

ладело» [1]. Данный эпизод раскрывает конфликт между личностным сознанием и доминирующими социальными установками: беспомощность индивида перед давлением коллективной ненависти становится частью художественного осмысливания эпохи. Насилие над судьей не только демонстрирует крах индивидуальной воли, но и иллюстрирует механизм идеологической интерpellации: переход от стигматизирующего ярлыка («немец = фашист») к физической расправе обнажает алгоритм формирования этнической идентичности через отрижение «чужого». Здесь социальная риторика превращает абстрактный образ врага в оправдание жестокости, подчиняя психологию личности логике коллективной травмы. Коллективная ненависть к немцам, спровоцированная исторической травмой, переносится на индивида, чья этническая принадлежность превращается в символическую мишень для разрядки социального напряжения. Как подчеркивает Джудит Батлер, насилие над телом «другого» становится ритуалом, подтверждающим границы коллективной идентичности [3]. Фолькер, пытающийся преодолеть бинарность «немец vs чех», оказывается жертвой идеологической интерpellации, где его физическая уязвимость (precarity) обнажает хрупкость индивидуального сознания перед давлением коллективной травмы.

В социальном и культурном контексте, созданном в романе, формирование и распространение этнических стереотипов является результатом взаимодействия социальной психологии и культурных предрассудков [4]. Конфликт и конкуренция между группами могут легко привести к формированию стереотипов. В историческом споре между Германией и Чехией у обеих сторон сформировались глубоко укоренившиеся стереотипы, основанные на военном опыте и конфликте национальных интересов. В романе описывается, что чехи считают немцев захватчиками и пособниками фашизма из-за зверств нацистской Германии во время Второй мировой войны и давних территориальных споров [5]. Немецкая оккупация, террор концентрационных лагерей и другие исторические события стали травмой в коллективной памяти чешской нации. Движимые этой травматической памятью, чехи развили сильную антипатию и ненависть к немцам. Навешивание негативных ярлыков на всех немцев сформировало стереотип, который трудно изменить и который оказал влияние на межэтнические отношения и социальное взаимодействие между двумя сторонами.

В немецком обществе сложился образ чехов как нации, склонной к мести и жестокости. Такое восприятие во многом обусловлено историческим опытом послевоенного периода, когда немецкое население подвергалось изгнанию. Пережитое насилие, потеря имущества и страдания соотечественников оставили глубокий след в коллективной памяти. Эти травмирующие события породили взаимную неприязнь: страх и ненависть немцев к чехам привели к формированию устойчивых негативных стереотипов с обеих сторон.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В РОМАНЕ

Все эти предубеждения особенно заметны во взаимоотношениях персонажей романа, а также в опыте пребывания главного героя, который является русским, в Чехии. Например, в общении с чехами он часто сталкивается с непониманием и дискриминацией из-за национальных стереотипов. Отношение к нему чехов зачастую обусловлено существующими предрассудками относительно русской нации, что создает препятствия в повседневном общении и профессиональном сотрудничестве, затрудняет его интеграцию в местное общество. Это отражает мощное влияние этнических стереотипов на социальные взаимодействия, не только разрушает гармоничные отношения между этническими группами, но и препятствует обмену и интеграции культур, становясь важным потенциальным фактором этнических конфликтов. Поэтому в романе подчеркивается актуальность и важность разрушения стереотипов и развития национального взаимопонимания, а также раскрывается их взаимосвязь с исторической памятью и идентичностью.

Дilemma идентичности, с которой сталкиваются герои романа, также отражает напряжение между культурной памятью и индивидуальной субъективностью. Коллективная культурная память является краеугольным камнем индивидуальной идентичности. После многократных изгнаний жители Судетской области столкнулись с разрывом своей культурной памяти и фрагментацией идентичности [6]. Они теряют землю, на которой жили на протяжении поколений, и вынуждены покинуть свои дома, хранившие их семейные воспоминания и культурные традиции. Их прежние школы, церкви и общинные традиции насильственно разрушены, т.е. люди лишены своего традиционного пространства и права передавать свою культурную память.

Они не способны восстановить свою идентичность в этой сложной ситуации и впадают в отчаяние. Немцы же, находясь в трудном изгнании, полагаются на свою цепкую приверженность прошлым культурным воспоминаниям, чтобы попытаться собрать воедино свою сломанную идентичность в чужой стране и найти новый смысл выживания. Это отражает борьбу и стойкость людей перед лицом кризиса культурной памяти, а также основную позицию культурной памяти в процессе признания идентичности.

В романе говорится, что жители Судетской области всегда легко выгонялись из мест своего проживания: «Изгнание немцев было поставлено на поток с немецкой же тщательностью и пунктуальностью. Жителей Судет одним движением руки лишили гражданства и личных прав» [1]. Судьба изгнанных немцев — ключевой пример разорванной идентичности. Лишившись «школ, церквей, кладбищ» [1], они теряют «телесность памяти» [7], это не просто материальная утрата, но разрушение «топографической памяти» [7], где пространства выступают «хранителями» культурной идентичности. Уничтожение этих «мест памяти» лишает группу возможности воспроизводить коллективный нарратив, что приводит к экзистенциальному кризису. При этом автор избегает однозначных оценок: даже акт мести чехов трактуется не как зло, а как сверхкоррекция исторической несправедливости [8]. Историческая память представляет собой сложную картину сосуществования наследия и искажений, за которой скрывается ожесточенная игра между политикой памяти и стремлением к исторической правде [9]. Политизация исторической памяти в романе отражает дилемму, описанную как конфликт между «истиной памяти» и «справедливостью истории», на историческую память оказывает давление власть и идеология в процессе социальной коммуникации. Память жителей Судетской области о былом процветании и травмах войны является неотъемлемой частью их культурного наследия. Их воспоминания об идиллических пейзажах родного города, традиционных праздниках и семейной славе составляют уникальную цепочку культурной памяти. Однако воспоминания о страданиях, принесенных войной, в частности руины после бомбардировок, жертвы среди близких и пережитая дискриминация, тяжелым бременем ложатся на их сердца, становясь неизгладимой болью в их культурной памяти.

Во время неоднократных войн между Германией и Чехией за Судеты историческая память была

политизирована и серьезно искажена. Чехи распростирали свою ненависть к нацистской Германии на всех немцев и в процессе изгнания дали однобокую интерпретацию и злонамеренное преувеличение немецкой истории. Такое поведение является проявлением политики памяти [10]. Чтобы укрепить национальную сплоченность и месть, чешское правительство и некоторые люди стараются помнить лишь «преступления» немцев, игнорируя разнообразие немецкого населения и сложность истории. Чехи, акцентируя преступления нацистов, не придают значения сложности немецкого культурного наследия в Судетах, создавая «сверхкорректирующий» нарратив, который заменяет одну несправедливость другой. История становится инструментом для легитимации текущей политики, а не диалога с прошлым. В результате историческая правда оказывается затемненной туманом этнической ненависти, что усиливает противостояние и непонимание между этническими группами, а также подчеркивает неустойчивость и хрупкость исторической памяти в социально-политическом контексте. Например, в романе часто описываются дома в немецком стиле, в которых живут главные герои, каминны, которые горят независимо от времени суток, и часовые башни, где можно увидеть вечные звезды и луну. Также упоминается, что по особому случаю десятой годовщины основания Чешской Республики в 1928 г. Йозеф Ян торжественно передал обсерваторию чешскому правительству. В то же время на эсперанто есть письмо, в котором содержатся его пожелания и надежды на мир. А главный герой романа сидит в старом судетском доме и погружается в следующие мысли: «...Я сижу в старом судетском доме, читаю эту романтическую историю и представляю себе долгую, полнокровную, прекрасную человеческую жизнь и думаю о братьях. Они могут ссориться и мириться, могут соперничать, а могут уступать друг другу и даже жить один вместо другого. Братская любовь совершенна. Гляжу за окно, где, подсвеченная луной и звездами, таинственно светится церковь, а рядом с ней старая колокольня, тоже похожая на обсерваторию. Прежде я об этом не думал, но этой ночью понимаю совершенно точно» [1].

Эти образы вечны, но в настоящее время все «знали, кто жил в каждом доме и что потом случилось с этими людьми. И когда дети учились в школе, им сложно было соотнести то, что говорили на уроках истории, с тем, что они видели по дороге домой: немецкое кладбище, камни с датами, надписи на немецком... Но и потом, когда все откры-

лось, общей темой тоже не стало. Зачем? Гораздо интереснее ездить в переименованные на чешский лад горы отдохнуть, лечиться, кататься на лыжах и велосипедах, подниматься на Прадед, пить пиво и не бередить память воспоминаниями и уколами» [1]. Или дело в том, что новое поколение молодых людей не заботится об истории, «и до судетских немцев им дела нет. Это новое поколение, про которое никто не скажет, каким оно будет и что ему достанется» [1].

МЕЖДУ УТОПИЕЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: ФИЛОСОФИЯ ПАМЯТИ В РОМАНЕ

В книге изображаются две модели отношения к прошлому: Обсерватория как символ эсперантистских утопий («границы между государствами должны исчезнуть») противостоит «переименованным горам» — насильтвенная ассимиляция через топонимику (пространству насильтвенной культурной амнезии). Этот диалектический конфликт между утопическим проектом и практиками коллективного забвения отражает авторскую позицию, которая говорит нам о том, что бессмысленно судить о прошлом с точки зрения настоящего и трудно найти абсолютную справедливость в истории. «Ведь каждая нация имеет право на свою жизнь, свой язык и свою культуру, разве не так?» [1]. Но у истории есть цель: «Границы между государствами должны исчезнуть вместе с самими этими государствами, и люди без какого бы то ни было принуждения пусть определят, какой язык и чья культура им ближе. Понятно, что это такая же утопия, как эсперантские мечты восторженного немецкого юноши из судетской деревни, и в ближайшие десятилетия едва ли что-то подобное случится, но это единственное большое дело, к которому стоит прикладывать усилия, ибо тогда у истории появится и смысл, и цель» [1]. Подзаголовок романа гласит «без границ», не утопический ли это идеал? Труднодостижимый в реальности, но отражающий прекрасные надежды автора романа на мирное сосуществование.

Главная тема — изгнание — проходит через весь роман. Будь то главный герой повествования «профессор», украинская героиня или судьи и люди в Судетской области, они едва ли могут избежать участи быть изгнанными. Когда человек оказывается в подобной ситуации, бесполезно судить о добре и зле. Однако понимание и уважение истории, возможно, является главной идеей, которую А. Варламов хочет донести через этот роман. Повествуя о переплетении немецкой и чешской истории, подробно рисуя судьбы героев, историческую

память и национальные стереотипы, благодаря изысканному изображению таких тем, как немецко-чешские исторические конфликты, идентичность, историческая память и национальные стереотипы, «Одсун. Роман без границ» создает глубокую и разнообразную литературную вселенную, демонстрирует глубокую проницательность и глубокое осмысление литературой социальной истории, человеческой психологии и культурной памяти, обладает неоспоримой литературной ценностью и имеет большое общественное значение. Этот роман выходит за рамки простого исторического повествования и становится глубоким философским размышлением о человеческой природе, этнических отношениях и социальной реальности. В современном контексте глобализации и культурного разнообразия роман дает нам ценный образец для изучения национальной интеграции и конфликта. Он предупреждает нас, что история — палка о двух концах, и правильное отношение к исторической памяти является ключом к достижению национального примирения и социальной гармонии. Единственный способ построить многокультурное общество — сломать лед этнических стереотипов и содействовать межкультурному взаимопониманию и толерантности.

ВЫВОДЫ

Роман Алексея Варламова «Одсун. Роман без границ» представляет собой многогранное исследование сложного взаимодействия истории, идентичности и памяти в контексте немецко-чешских отношений. Автор раскрывает механизмы формирования этнических стереотипов, цикличность ролей «жертвы» и «палача», а также травматические последствия исторических конфликтов для определения, поиска и понимания человеком коллективной и индивидуальной идентичности. Анализ судеб персонажей, таких как судья Фолькер или главный герой-рассказчик, демонстрирует, как политизация памяти, насилиственное забвение и культурная амнезия разрушают социальную гармонию, превращая историческое прошлое в источник непрекращающегося напряжения. Ценность романа заключается не только в его художественной глубине, но и в актуальности поднимаемых вопросов. В условиях глобализации, когда этнические конфликты и миграционные кризисы остаются острыми вызовами всему человечеству, «Одсун. Роман без границ» напоминает о необходимости критического осмысливания прошлого, преодоления стереотипов и поиска диалога между культурами.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта по иностранным языкам и литературе 2023 года по дисциплинам первого класса муниципалитета Чунцин «Исследования в области современной русской биографической литературы» (SISUWYJY 202310) и программ исследований и инноваций для аспирантов Чунцина на 2024 год «Историческая достоверность и литературное творчество — исследование биографического вымысла Варламова» (CYB 240276).

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared with the support by the 2023 Research Project of Foreign Languages and Literature in the First-Class Disciplines of Chongqing Municipality “Research on Modern Russian Biographical Literature” (SISUWYJY 202310) and the 2024 Research and Innovation Program of Chongqing Graduate Students “Historical Authenticity and Literary Creativity — Research on Varlamov’s Biographical Fiction” (CYB 240276).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варламов А. «Одсун. Роман без границ». Москва: Издательство «АСТ»; 2024. 264 с.
2. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя; 2007. 576 с. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=446&ysclid=mhw5prlbwm71838387>
3. Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London: Verso; 2004. 192 с. URL: https://archive.org/details/precariouslifep0000butl_p2t0
4. Erll A. Memory in Culture. London: Palgrave Macmillan; 2011. 240 с.
5. Сайд Э. Ориентализм. Москва: Русский Мир; 2006. 448 с.
6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Москва: Новое издательство; 2007. 336 с.
7. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры; 2004. 368 с.
8. Лакан Ж. Семинары. Книга XI: Четыре основные понятия психоанализа. М.: Гнозис; 2004. 224 с.

9. Ricoeur, P. Memory, History, Forgetting. Chicago: University of Chicago Press; 2004. 660 p. DOI: 10.5195/jffp.2005.247
10. Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти. Отечественные записки. 2005;(4):12–25. URL: https://rusneb.ru/catalog/002744_000053_RU__ГПНТБ+России__KNB_IBIS__63.3%284ФР%29B-040198/?ysclid=mhw6lwjsl5717920827

REFERENCES

1. Varlamov A. “Odsun. A novel without borders.” Moscow: ACT Publishing House; 2024. 264 p. (In Russ.).
2. Bourdieu P. Social space: Fields and practices. St. Petersburg: Aleteya; 2007. 576 p. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=446&ysclid=mhw5prlbwm71838387> (In Russ.).
3. Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London: Verso; 2004. 192 c. URL: https://archive.org/details/precariouslifepo0000butl_p2t0
4. Erll A. Memory in Culture. London: Palgrave Macmillan; 2011. 240 c.
5. Said E. Orientalism. Moscow: Russian World; 2006. 448 p. (In Russ.).
6. Halbwaks M. Collective and historical memory. Moscow: New Publishing House; 2007. 336 p. (In Russ.).
7. Assman Ya. Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2004. 368 p. (In Russ.).
8. Lacan, J. Seminars. Book XI: Four basic concepts of psychoanalysis. Moscow: Gnosis; 2004. 224 p. (In Russ.).
9. Ricoeur, P. Memory, History, Forgetting. Chicago: University of Chicago Press; 2004. 660 p. DOI: 10.5195/jffp.2005.247
10. Nora P. Between memory and history: Problems of memory locations. Domestic notes. 2005;(4):12–25. URL: https://rusneb.ru/catalog/002744_000053_RU__ГПНТБ+России__KNB_IBIS__63.3%284ФР%29B-040198/?ysclid=mhw6lwjsl5717920827 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ван Чжэнкунь — аспирант Института русского языка, Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китайская Народная Республика

Wang Zhengkun — PhD Student, Institute of Russian Language, Sichuan International Studies University, Chongqing, PR China

<https://orcid.org/0000-0001-5228-1973>
954660187@qq.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.05.2025; принята к публикации 28.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.05.2025; accepted for publication on 28.09.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.